

Год назад эксперты и друзья ПИР-Центра: профессор департамента интегрированных коммуникаций НИУ-ВШЭ и член редколлегии журнала Индекс Безопасности Дмитрий **Евстафьев**, старший научный сотрудник ПИР-Центра Вадим **Козюлин**, главный редактор журнала Международная жизнь Армен **Оганесян**, заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ-ВШЭ Андрей **Суздальцев**, директор Московского центра Карнеги Дмитрий **Тренин** оценили, по нашей просьбе, состояние международной безопасности, в тех аспектах, которые представляли наибольшие, с их точки зрения, угрозы для России, и предложили свои прогнозы на 2014 г., прежде всего в части возможных ответов России на эти угрозы и вызовы.

Спустя год мы пошли на рискованный шаг и публикуем эти прогнозы — и сбывшиеся, и не очень. Думаем, никто не будет спорить с тем, что 2014 г. оказался непредсказуем даже для самых ясновидящих экспертов.

Но мы пошли дальше и предложили этим же экспертам уже с высоты сегодняшнего дня¹ оценить свои же прогнозы с учетом прошедших событий и дать в их развитие краткие прогнозы уже на 2015 г.

Дмитрий Евстафьев

КАК БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ РОССИЙСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ?

Взгляд–2014

Хотел бы отметить некоторые ключевые тенденции в развитии российских вооруженных сил (ВС). Выделю две: *тенденция номер один*, которую я считаю ключевой — это резкое повышение приоритетности вопросов, связанных с мобильностью и быстрым развертыванием; *тенденция номер два* — это рассмотрение вопросов, связанных с развитием ВС как фактора стимулирования экономического роста страны. На сегодняшний день обе эти тенденции не приобрели характер безусловного национального консенсуса.

Из тех тенденций, которые называют *уходящая натура*, обращаю внимание на существенное снижение приоритетности вопросов, связанных с социальным обеспечением военнослужащих. На сегодняшний день, в отличие от ситуации пятишестилетней давности, она присутствует *ритуально*. Я считаю это позитивной тенденцией, так как российские ВС возвращают себе статус того, чем они должны быть, и прекращают быть просто инструментом обеспечения благосостояния военнослужащих и членов их семьи.

Хотелось бы также обратить внимание на несколько геополитических факторов, которые оказывают влияние на развитие российских ВС.

Прежде всего дестабилизация на Ближнем и Среднем Востоке, которая все больше и больше рассматривается как *важный* фактор в российском военном планировании.

Далее, военное присутствие в *Арктическом регионе*.

Снизилась напряженность дискуссий вокруг вопросов, связанных с *Афганистаном*, что я считаю неправильным. Мы в России недооцениваем, в том числе с военной точки зрения, последствия дестабилизации ситуации в Афганистане после ухода оттуда американцев.

Хотел бы обратить внимание и на *серые зоны* в российском военном планировании. Прежде всего это отношения России с *Китаем*. Появляется все больше признаков того, что за официальными заявлениями о стратегическом партнерстве начинают копиться двустороннее недовольство и напряжение, в частности связанные с фактической приватизацией нашими китайскими друзьями Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Но вот насколько этот вопрос станет фактором военного планирования уже в 2014–2015 гг., сказать не берусь.

Настоятельно необходимо изменить *российскую ядерную стратегию*. В частности считаю, что следует выработать подходы к применению ядерного оружия (ЯО) в дозированном и одиночном варианте. Давайте исходить из того, что ЯО является реальным внешнеполитическим и военно-политическим инструментом только там и тогда, когда оно имеет реалистичную стратегию боевого применения. Если этого нет, давайте сэкономим деньги на хранении столь опасного *груза*.

В ближайшие три-пять лет, как это ни странно, для российских ВС самыми важными вопросами будут вопросы о разработке нового доктринального обеспечения их развития. Российской армии невозможно развиваться *ad hoc* на основании того, что называется *ручное управление*. Я бы высказал *еретическое* соображение: в настоящее время одной из вещей, которая нужна российским ВС, является подобие доктрины Каспара Уайнбергера. В 1982 г. министр обороны США сформулировал пять критериев применения ВС вооруженными силами США в локальных конфликтах. Над ним сначала посмеялись: смешной, сказали, человек этот Уайнбергер... но до сих пор США воюют именно так.

Комментарий–2015

Серьезных расхождений с прогнозом не случилось. Больше того, хочу вновь обратить особое внимание на прогноз–2014 о грядущем использовании управляемого, стимулированного роста в военно-промышленном комплексе в качестве драйвера общего экономического роста.

Также считаю по-прежнему актуальным свой прогноз о попадании отношений с КНР в военно-политической сфере в *серую зону*.

Правильным оказался прогноз о роли ЯО. И еще более актуальной становится тема адаптации стратегии его боевого применения к новым реалиям.

Ключевой момент, который выпадает из общей системы координат — *Крым*. Основываясь на опыте предыдущих лет, трудно было представить, что российское руководство пойдет на столь острый и решительный шаг. Проблема, однако, в том, что действия по Крыму, правильность которых на сегодняшний день практически бесспорна (если, конечно, абстрагироваться от мнения политических маргиналов), *отложили в долгий ящик* многие нужные с политической и военно-политической точки зрения вопросы. Например, создание российской *доктрины Уайнбергера*. Понятно, что в нынешних условиях ее появление и невозможно, и нецелесообразно. И, конечно, кто-то вряд ли мог предположить, что создававшаяся четверть века государственная система Украины начнет рассыпаться так быстро (хотя основания для такого прогноза были). Даже я не предполагал.

2014 г. не столько дестабилизировал систему международных отношений, сколько поставил вопрос о неадекватности ее структур. Практически ни одна струк-

тура не смогла выполнить свою функцию, а часть из них, в принципе, выглядела неуместно (если не сказать убого, как, например, *восьмерка-семерка*). Из этого возникает важнейшая для 2015 г. развилка: либо начнется *новая институционализация* системы международных отношений, а фактически выработка новых *правил игры* (долгосрочная постмонополярность), либо продолжатся попытки стабилизировать систему в рамках традиционных институтов.

С операционной точки зрения ключевым вызовом станет, вероятно, вопрос о стабилизации на Ближнем Востоке. Это наиболее серьезный стратегический вызов, поскольку он затрагивает суть современной глобальной системы политики и экономики.

А вот в *публичном поле*, вероятно, будет господствовать Украина (от которой ничего не зависит, но которая является идеальной ширмой для глобальных игр).

Вадим Козюлин

КАК РОССИЯ БУДЕТ ПРОЕЦИРОВАТЬ ЭКСПОРТ ВООРУЖЕНИЙ НА КАРТУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ?

Взгляд–2014

В 2010 г. экспорт российских вооружений вырос на 18%, в 2011-м — на 26%, в 2012-м — на 15%. При этом следует учесть, что это денежное выражение экспорта, не физическое. А денежное выражение — вещь с секретом: каждый год российские экспортеры увеличивают стоимость в валюте на 5%.

Но даже с этой поправкой мы видим динамичный рост российского экспорта вооружений. Другой показатель, более предметный, показывает портфель военных заказов. Это примерный объем будущих заказов, которые еще не подписаны, но уже имеются в договоренностях либо в каких-то иных формах. Мы видим, что в этой области также наблюдается определенный рост, может быть, не настолько динамичный, но постоянный.

В 2011 г. портфель составлял 40 млрд долл., в 2012 г. — 41 млрд долл., при этом у *Рособоронэкспорта* портфель был 36 млрд долл., а в 2013 г. портфель составляет более 47 млрд долл., у *Рособоронэкспорта* — 38 млрд долл. Структура экспорта вооружений в последние годы примерно стабильна: 50% — обычно российская авиатехника, оставшиеся 50% в примерно равных пропорциях делят военно-морская техника (30%), системы ПВО (14%) и вооружения сухопутных сил (6%). Это показатели за прошлый год, и в этой сфере во второй половине происходят небольшие изменения.

В середине 2013 г. В.В. Путин отмечал, что российский экспорт к аналогичному периоду предыдущего года вырос на 15%, т.е. тенденция, которая наблюдается в течение последних трех лет, в 2014 г., вероятно, всего, будет продолжена. Государственные экспортеры, как обычно, ставят перед собой обязательства чуть выше результатов предыдущего года. Так, например, *Рособоронэкспорт*, который в 2013 г. добился результатов 12,5 млрд долл., в этом году поставил себе планку более 13 млрд долл. Из опыта известно, что российские оборонщики стабильно перевыполняют планы.

Отдельно хотел бы отметить, что часть гособоронзаказа в последние годы тоже попадает под тот объем, который мы причисляем к экспорту вооружений. Иначе говоря, часть экспорта вооружений финансируется из российского бюджета: в 2012 г. это примерно 300 млн долл. Многие, наверное, помнят, что Россия пообещала военную помощь Киргизии в размере 1,1 млрд долл. и 200 млн долл. Таджикистану.

Таким образом, можно констатировать, что Россия возвращается к советскому опыту оказания безвозмездной военной помощи. И, заглядывая в 2014 г., я бы хотел отметить несколько тенденций, которые уже прослеживаются в нашем военном экспорте. В 2014 г. Россия займется восстановлением своих позиций на рынке модернизации и ремонта военной техники. Это не означает, что Россия на этом рынке не присутствует: ежегодный доход от ремонта и модернизации техники для России составляет

примерно 2,5 млрд долл. Однако на сегодня в России насчитывается 21 предприятие, имеющее право выходить на этот рынок самостоятельно. В 2014 г. по инициативе корпорации *Ростех*, предположительно, еще 20 предприятий получат такую возможность, т. е. это будет право не продавать собственную продукцию, но оказывать услуги по ее послепродажному обслуживанию, ремонту и модернизации.

Также принято решение активнее развивать совместное производство продукции военного назначения и проводить исследовательские разработки, т. е. разрабатывать вооружения, которых еще нет. Образцовыми примерами для России служат совместное производство и совместная разработка крылатой ракеты *Брамос* (Россия и Индия), создание истребителя пятого поколения (также с Индией), но будут примеры, о которых мы услышим в ближайшее время, с Китаем — в сфере военного судостроения и авиации. В партнерстве с ЮАР планируются совместная разработка ракет, локализация производства артиллерийских боеприпасов, вертолетной и корабельной техники. Еще одной новинкой в производстве и экспорте российских вооружений будет тенденция развития частно-государственного партнерства, т. е. привлечения частных инвестиций для разработки вооружений и экспорта за рубеж.

Я уже упомянул оказание военной помощи — это тоже новая особенность экспорта вооружений, к которой Россия будет прибегать в 2014 г. Обращу ваше внимание на то, что у российских оборонщиков появился новый лоббист, очень влиятельная и популярная фигура, — С. Шойгу, который пропагандирует российское вооружение за рубежом, чему мы были свидетелями во время его поездок по Латинской Америке, в Бразилию и Перу. Таким образом, несмотря на сдержанные оценки экспертов и официальных лиц, мне кажется, что в 2014 г. российских экспортеров оружия ждут очередные успехи.

Комментарий–2015

Так и произошло, как я предполагал год назад: в 2013 г. Россия экспортировала вооружений на 15,7 млрд долл., что было на 3% выше, чем в 2012 г. (хотя с поправкой на инфляцию можно считать, что рост прекратился).

2014 г. также имел потенциал для дальнейшего роста, ибо совокупный портфель экспортных заказов достиг нового рекордного значения — 49 млрд долл.

Окончательные итоги экспорта вооружений в 2014 г. еще не опубликованы, но в конце января 2015 г. президент В. В. Путин заявил, что экспорт российской военной продукции за рубеж в 2014 г. превысил 15 млрд долл. Налицо некоторое падение экспорта вооружений, и причины его очевидны: разрыв военно-технических связей с Украиной и государствами ЕС, санкции США и ЕС в отношении ряда крупнейших российских оборонных предприятий.

Как я и прогнозировал, в 2014 г. государственный оборонный заказ (ГОЗ) продолжал расти: по сравнению с 2013 г. (1,3 трлн руб.) он вырос на 30% и в физическом выражении составил 1,7 трлн руб. По оценкам вице-премьера Д. Рогозина, в 2015 г. объемы будут больше примерно на 20%.

Стоит отметить качественные изменения в выполнении ГОЗ: если в 2013 г. он был выполнен на 82–84%, то по итогам 2014 г. этот показатель достиг 95%. В 2014 г. впервые в современной истории было освоено 99,9% запланированных средств.

В 2015 г. в оборонной промышленности будут заметны следующие тенденции: усиление ответственности исполнителей за использование средств, повышенное внимание контролю эффективного расходования ассигнований, активное замещение продукции из стран НАТО и Украины (на сегодня доля импортных комплектов вооружений и военной техники в среднем составляет 8–10%).

В сфере ВТС, вероятно, Россия постарается использовать конфронтацию с Западом для поиска новых импортеров, которые уважают твердую политическую позицию, а также для возвращения на старые рискованные, а то и *сомнительные* рынки вооружений, например, такие, как Иран, Ливия и даже КНДР.

Дмитрий Тренин

ВРЕМЯ СОПЕРНИЧЕСТВА

Взгляд–2014

До 21 февраля 2014 г. Россия не вмешивалась в украинскую политику, Янукович не был марионеткой Путина. То, что произошло в ночь с 21 на 22 февраля 2014 г., поменяло не только российскую политику, но и, на мой взгляд, отношения между Россией и Западом и в значительной степени повлияло на международные отношения. Если суммировать и говорить только об основном, Россия прекратила геополитическое отступление, перешла от пассивности к активным действиям не только конкретно в украинском вопросе, но и в своей международной политике.

В 1991 г. Россия в одночасье согласилась на такое изменение границ, изменение своего внешнеполитического, геополитического, стратегического — любого статуса, которое практически не имеет аналогов в истории XX в. За границами Российской Федерации, новой России, осталось 25 млн этнических русских. И фактически этот вопрос, очень важный, оставался за скобками практической политики России — в мейнстримовской части экспертного сообщества о нем предпочитали не говорить. Если бы за 20 лет, которые прошли после окончания холодной войны, у России сложились бы тесные партнерские, фундаментально прочные отношения с Западом, прежде всего с США, это было бы большим благом для международной безопасности. Регулярно, с перерывом примерно в 10 лет, российские президенты предлагали Соединенным Штатам и Западу в целом включение России в западное сообщество, но получали отказ.

Я могу, конечно, ошибаться, но мое ощущение, что в ночь с 21 на 22 февраля 2014 г. закончился период между двумя холодными войнами. То, что мы называли периодом после холодной войны, будущие историки будут называть периодом между холодными войнами. И если можно провести аналогию между мировыми войнами, то нерешенность фундаментальных вопросов, которая осталась после войны, в данном случае после Первой мировой войны: осталось много вопросов, было много несправедливостей урегулирования, оформленных в Версале, — в конце концов привела ко Второй мировой войне. И главная ошибка заключалась в том, что послевоенное урегулирование не включало Германию.

Я не хочу представлять происходящее в виде страшной катастрофы, но нам с 22 февраля приходится работать в новом международном режиме, и в этом новом режиме мы будем работать еще какое-то время. Этот режим не обязательно будет копировать, вернее, он не будет копировать холодную войну ни в коем случае, но при этом режиме, к большому моему сожалению, профессиональному и личному, соперничество, особенно в отношении с Соединенными Штатами, будет превалировать над сотрудничеством. В международных отношениях всегда есть сотрудничество и соперничество, нет партнерств, состоящих только из сотрудничества. Соперничество — необходимая часть международных отношений, как необходимая часть жизни, но важен баланс. И этот баланс в ночь с 21 на 22 февраля сместился в сторону соперничества.

Конечно, за 25 лет мир сильно изменился, и повторения холодной войны не будет. Результат, к которому мы придем, пока не виден, но ясно одно — длительная эпоха российской сравнительной пассивности в отношении своих задач и интересов закончилась, Россия вступает на международную арену как активный игрок, который не боится конфликтов с ведущей страной мира. Этот период будет тяжелым и сложным для всех, и прежде всего для России. Вызовов и рисков будет достаточно не только в международной среде, но и внутри страны. В отличие от холодной войны 1940–1980-х гг. мы живем и будем продолжать жить в открытом обществе, в открытом мире с пористыми границами, и то, что будет происходить сейчас, будет гораздо интереснее, гораздо объемнее, чем то, что происходило в период закрытых обществ, непроницаемых границ.

Комментарий–2015

2014 г. стал рубежным не только для российской внешней политики, но и для международных отношений в Европе и Евразии. Закончился 25-летний период мирных и преимущественно кооперативных отношений между Россией и Западом. Украинский кризис впервые за многие десятилетия создал опасность широкомасштабной войны в Европе. Начался период острого соперничества, даже конфронтации, если говорить об отношениях РФ–США. Между Россией и странами Европейского союза наступил период отчуждения. Перспективы Большой Европы скрылись за горизонт. Россия вновь утверждается в мире как самостоятельная и самодостаточная величина. Несмотря на украинский кризис, удалось оформить Евразийский экономический союз. Процесс сближения РФ с Китаем приобрел новое качество: энергетический альянс, повышение уровня передаваемых Пекину военных технологий. Место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока может занять Большая Азия от Шанхая до Петербурга.

2015 г., надеюсь, сможет перевести российско-западный конфликт из опасной острой фазы в хроническую. Рассчитываю, что ситуация в Донбассе будет заморожена и не вспыхнет вновь застарелый конфликт в Приднестровье. Америка-но-российские отношения останутся плохими, но угрозы прямого столкновения удастся избежать. Отношения РФ с европейскими странами будут складываться по-разному, но в целом ЕС сохранит санкции в отношении РФ, а НАТО будет укреплять свой восточный фланг. Раскола между европейцами и американцами не произойдет. Лидер ЕС — Германия — будет относиться к России остро критически и в целом настроенно, хотя одновременно будет вести диалог с Москвой. Становление Евразийского экономического союза будет тяжелым и сложным из-за экономического спада в РФ и санкций Запада, но процесс будет идти. Отношения с Китаем станут ближе, хотя России придется в большей степени учитывать интересы своего главного партнера. РФ будет стремиться к приоритетному развитию отношений с ключевыми странами не-Запада: БРИКС и ШОС (где Москва в 2015 г. председательствует), а также с Турцией, Ираном, Египтом, Южной Кореей. Открытый вопрос — удастся ли в нынешних условиях развивать российско-японские отношения.

Армен Оганесян

КАК СТОЛКНУТСЯ ИДЕЯ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ И РЕАЛИИ КРИЗИСА ВОКРУГ УКРАИНЫ?

Взгляд–2014

В очень разных местах: Лиссабоне, Праге, Лондоне, Берлине, — идея *Большой Европы* одними встречалась как мечта, а другими — как мечта, которая содержит в себе здоровый заряд прагматического смысла. Проект *Большая Европа*, впервые озвученный Ш. де Голлем, содержит в себе эту идею хорошей мечты, продуктивной мечты. Но потом она была поддержана М. Горбачевым, и совсем неудивительно, что накануне визита в США эту же идею озвучил Дэвид Кэмерон. А когда англичане поддерживают какую-то идеологию, которая родилась в Париже, это выглядит весьма и весьма примечательно. Вы, быть может, заметили, что Путин, говоря о своем евразийском проекте, подчеркнул, что это своего рода рука, протянутая для будущего экономического союза с Европой, которая поможет Европе, евразийскому пространству придвинуться в экономическом плане к тихоокеанскому региону.

Вы спросите, какое это имеет отношение к событиям на Украине. К сожалению или к счастью, самое прямое. Почему такой дуализм в оценке? Потому что ближайшее развитие событий покажет, как нам смотреть на будущее этой идеи *Большой Европы*, которая, на мой взгляд, не списана событиями в Украине. Только пороны этой идеи, окончательные и стопроцентные, могли бы обозначить начало какого-то нового этапа холодной войны, возврата к холодной войне. Когда сегодня мы слышим воинственную риторику из Вашингтона, мы видим большой зазор между позициями США и Европы в отношении России, возможных санкций и прочих мер. Ни Литва, ни Испания, ни Греция, ни даже Великобритания и, тем более,

Германия не собираются идти на поводу у Вашингтона. Это немного напоминает ситуацию с Ираком, но здесь все будет сложнее. Конечно, никакой изоляции России — ни политической, ни дипломатической, ни экономической — быть не может. Это пропагандистский слоган. Это так далеко от *real politik*, что даже не нуждается в серьезном комментарии. Если кто-то хочет на эту тему говорить, то скорее на страницах газет, в радиопередачах и т.д. Все дело в том, что Россия уже так вписана в систему международных связей, экономических, финансовых, что изолировать ее невозможно.

Вопрос в другом: может ли мир, а в данном случае речь идет о всем мире, могут ли США и западные страны изолировать себя от России. Вот как на самом деле звучит вопрос. Мне кажется, по объективным причинам это совершенно невозможно.

Как это ни парадоксально, хотя это кажется фантастическим и абсолютно не реальным, но именно Украина и ее будущая судьба могли бы стать тем нервом, который бы объединил усилия Европы и России по спасению этой страны, по поддержке этого народа. Сейчас в фокусе должна быть судьба этих людей, не юридические тонкости, не обмен пропагандистским залпами, а будущее Украины, будущее украинского народа.

Комментарий–2015

К сожалению, оправдался мой прогноз о том, что украинские события способны взорвать мечту под названием *Большая Европа*.

Поведение США, которые все больше и больше становятся стороной конфликта, было спрогнозировано верно, а вот политика стран ЕС по отношению к украинскому кризису оказалась намного менее самостоятельной и независимой, чем ожидалось. *Атлантическая дисциплина* взяла верх и обрушила многие надежды по поводу способности Европы вместе с Россией спасти Украину и украинский народ от гражданской войны и краха экономики.

В 2015 г. США будут втягиваться в события на Украине, выступая на стороне Киева. Особую поддержку они окажут партиям и экстремистским группировкам, которые выступают за силовое подавление юго-востока Украины. Возможны новые санкции в отношении России и жесткие требования к союзникам: придерживаться антироссийского курса как в политическом, так и в экономическом аспектах. США активизируют свою антироссийскую политику в Молдове, Грузии и других странах СНГ, осуществляя *доктрину отбрасывания* России и ее интересов по всем азимутам сотрудничества в ближнем зарубежье.

Андрей Суздальцев

КАК БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ?

Взгляд–2014

Кризис, который мы наблюдаем на Украине², носит очень сложный и противоречивый характер, и его нельзя сводить просто к расколу элит. В основе кризиса лежат сложные социально-экономические и политические проблемы, которые не решались годами прежним руководством Украины. Мы должны признать, что основная масса украинского населения майдан поддержала. Независимо от вероисповедания, проживания, каких-то конфессиональных или культурных пристрастий. Это связано с тем, что в создавшейся ситуации на Украине, в ее экономике, затронута вся масса украинского населения. Стремление народных масс вырваться из нищеты, из ловушки миграционной экономики, из господства криминальных кланов, которые обеспечивали газ на Украине, и создало монолитную поддержку оппозиции майдана на западе страны и молчание востока.

Второй причиной, приведшей к катастрофе правительства В. Януковича, стали большие сдвиги в сфере бизнеса в Украине. И действительно, на первом этапе

В. Янукович обеспечил полную поддержку всех олигархических кланов своей властью. Но потом буквально в течение пары лет ситуация стала меняться — появились новые бизнес-элиты, которые были связаны уже с семьей В. Януковича, включая его сыновей. Криминальный бизнес оставил В. Януковича без поддержки олигархов, так он и оказался в одиночестве. На этом этапе все конфессиональные, культурно-цивилизационные и этнические различия на Украине отошли на второй план. И политическая оппозиция, очень амбициозная, надо отметить, поняла, что сейчас появляется *окно возможностей*, через которое можно прорваться к власти. Но не бывает односторонних политических процессов — прекрасно прослеживаются интересы крупных политических сил в этом конфликте.

Мы должны понимать, что майдан с одной стороны стал инструментом жесткого давления Евросоюза и США на В. Януковича, а с другой стороны он стал инструментом привлечения крупных геополитических сил для решения внутренних украинских проблем. После официального ноябрьского вердикта стало ясно, что евроинтеграционная тема была прикрытием для решения вопросов власти. Возникла политическая чехарда: внешние и внутренние игроки подменяли друг друга, что-то скрывали друг от друга и отвлекали на себя внимание в нужный момент, готовя главную свою добычу — правительство В. Януковича.

Майдан — это индикатор не только уровня развития украинской демократии, но и показатель слабой украинской государственности. Майдан показал, что традиционные демократические инструменты решения политических проблем: демонстрации, пикеты, работа в парламенте, забастовки, бойкоты, — оказались непригодны в условиях Украины. Разрушит ли майдан украинское государство? Нет. Это метод выживания украинской государственности, поиск элитой новой волшебной формулы, позволяющей скрепить это очень разрозненное государство в центре Европы. Майдан инициирует изменение существующего строя на Украине, 25 мая [2014 г. — *Ред.*] появится новый президент. Нет никаких гарантий, что после избрания президента не появится новый майдан, который опять объявит нового президента нелегитимным, и борьба начнется по новой.

Для этого есть некоторые предпосылки. Обратите внимание, сейчас майдан — это не просто националисты, это социалистические националисты. Они говорят с позиции жесткой социалистической риторики. Естественно, проходил процесс постепенной радикализации состава майдана — это можно было наблюдать, и амбиции трех лидеров оппозиции не позволили не только взять под контроль эти радикальные элементы, но и выделить единого оппозиционного лидера современной Украины.

В итоге майдан пришел к стадии крайнего националистического радикализма, это его последняя стадия развития, он законсервировался и сейчас выражает интересы только представителей западных областей Украины. Необходимо отметить, что в идеологической основе майдана лежит жесткая русофобия. Политические силы, руководящие майданом, всеми силами попытаются сделать из Киева место столкновения Востока и Запада. Это было ожидаемо, и сейчас мы ждем другой этап, он уже начался. Сейчас новая власть ищет какие-то компромиссы, какие-то союзы в политическом поле Украины, и здесь надо понимать, кто главный виновник той трагедии, которая произошла на майдане, где эти силы неизведанные? И конечно, должна быть назначена третья сила — это будет Россия.

Сейчас мы входим во второй этап украинского политического кризиса. Он связан с тем, что современная Украина де-факто оказалась федерацией. С победой майдана все политические силы востока и юго-востока Украины потеряли свое представительство в Киеве, и восстановить его практически невозможно. В чем проблема? Дело в том, что современные представители победившей власти являются носителями пассионарной националистической идеологии, которая не оставляет места местным элитам. В этом и заключается внутренний конфликт, который сейчас разрастается на наших глазах и, естественно, приобретает русский оттенок. Местные элиты на Украине традиционно очень сильны, они опираются на местные финансово-промышленные группы. И не только Крым, но и другие воспользуются

ситуацией, для того чтобы увеличить свое влияние в регионах. Не стоит забывать, что В. Янукович волевым путем загонял в эти регионы донецких бизнесменов, а сейчас их оттуда убирает, и люди приходят на новые места. К сожалению, этому способствует сам Киев. Обращаясь к Западу, к Европе с просьбой о помощи, он демонстрирует регионам, что центр слаб, что выбираться надо из трагедии самим, самостоятельно. И это тоже стимулирует этот процесс.

Комментарий–2015

Год назад я говорил, что «майдан с одной стороны стал инструментом жесткого давления Евросоюза и США на В. Януковича (заставить В. Януковича вернуться к процедуре ассоциирования Украины с ЕС), а с другой стороны он оказался инструментом привлечения геополитических сил для решения внутренних украинских проблем». Со временем, приняв власть из рук майдана (конец февраля 2014 г.) новые украинские власти использовали сложный и во многом противоречивый конгломерат евроориентации и антироссийской идеологической платформы на основе этнического национализма в качестве фильтра на собственной украинской политической арене и стимула для разжигания гражданской войны. В то же время Киев приложил максимум усилий для стравливания России и Запада по проблеме востока Украины, втягивая супердержавы в полномасштабный конфликт по украинской проблематике.

В свою очередь, Вашингтон и Брюссель, решая проблему поддержания однополярного мира, уготовили Киеву роль *передового отряда по борьбе с российским империализмом*, стремящимся возродить СССР. Однако украинский истеблишмент до настоящего времени преисполнен уверенности, что Украина является важнейшим субъектом международных отношений и решает свои проблемы с Россией с помощью всего *свободного мира*, что не мешает представителям руководства Украины, включая президента и премьер-министра постоянно объезжать страны ЕС и США с унижительными просьбами о финансовой и военной помощи.

Год назад автор этих строк отвергал тезис, что «майдан является разрушителем украинской государственности», утверждая, что «майдан — это метод выживания, поиск элитой новой *волшебной формулы*, позволяющей скрепить это очень разнородное государство в центре Европы». Учитывая общий изживенческий настрой украинского истеблишмента, евроориентация считалась той *волшебной формулой*, которая позволила бы, с одной стороны, сохранить Украину в ее границах (сторонники майдана искренне считали, что стремление вступить в ЕС должно объединить всех граждан Украины независимо от национальности, языка и вероисповедания). С другой стороны, появлялся шанс создания этнически чистого национального государства украинского народа по принципу Украина — для украинцев. Иными словами, если кто-то в регионах страны выступает против евроинтеграции (евромайдана), он по умолчанию занимает позицию против единой Украины, и наоборот. Евроориентация легитимизировала февральский переворот (*революция достоинства* П. Порошенко) и выступила в качестве основания создания этнически чистого украинского государства с новой государственной идеологией, в основе которой лежит этнический национализм. Происходит перерождение постсоветской Украины в новое государство с иными границами и исключительно рыхлой структурой.

Год назад я говорил, что майдан выражал интересы почти исключительно западных областей Украины, где правые политические партии практически монополизировали региональный политический рынок. За прошедший год на Украине прошли выборы в Верховную Раду, где правые националистические силы получили подавляющее большинство.

Антироссийский вектор во внешней и внутренней политике Украины, четко диагностировавшийся год назад, за прошедшие месяцы приобрел *сакральный* характер. Россия, помимо того, что официально, решением Верховной Рады, объявлена агрессором, в настоящее время выступает в медиапространстве Украины, а также

на уровне государственной идеологии и даже школьных учебников в роли универсального главного виновного за все трагедии в истории, в настоящем и будущем Украины.

Год назад я говорил, что «с победой майдана все политические силы востока и юго-востока Украины потеряли свое представительство в Киеве и восстановить его практически невозможно... в этом заключается внутренний конфликт, который сейчас разрастается на наших глазах и, естественно, приобретает русский оттенок». В феврале 2014 г. все-таки было трудно представить, что внутренний конфликт в русскоязычных регионах востока Украины выльется в полномасштабную гражданскую войну.

Прогноз развития политической и военно-стратегической ситуации на Украине на 2015 г. остается негативным. Своеобразный цикл *бои-переговоры* без какого-либо позитивного результата *поворачивается* уже в третий раз. Использован целый ряд форматов переговоров (жневский, нормандский, минский), сменились посредники (канцлер ФРГ + президент Франции, со стороны ЕАЭС — президент Белоруссии + президент Казахстана), несколько раз объявлялись перемирия, но давление внешних сил (США, ЕС) и пассионарность официального Киева, уверенного в поддержке Запада, аннулировали все попытки остановить или заморозить конфликт. Сомнительно, что это удастся и в 2015 г., хотя интенсивность боев на Донбассе будет снижаться по объективным причинам: силы противоборствующих сторон не беспредельны, профессионализм противостоящих армий растет, социально-экономическая ситуация на Украине не выправляется, поступающие извне помощь и кредиты явно недостаточны для стабилизации экономической и политической ситуации на Украине. 🇺🇦

Примечания

¹ По состоянию на 1 марта 2015 г.

² По состоянию на 1 марта 2014 г.